

Вечеромъ дня отправки изъ Петрограда всѣхъ ссылаемыхъ разставили въ ряды на дворѣ Семеновскихъ казармъ. Они были окружены сильнымъ конвоемъ. Передъ тѣмъ какъ двинуться въ путь къ Николаевскому вокзалу, начальникъ конвоя громкимъ голосомъ заявилъ: «Кто посмѣетъ выйти изъ рядовъ, тотъ будетъ немедленно разстрѣлянъ». Когда партія стала выходить изъ воротъ казармъ, на улицѣ уже стояли жены и дѣти ссылаемыхъ. Раздались душу раздирающіе крики. Жены бросились, было, къ своимъ дорогимъ роднымъ, но солдаты ихъ оттолкнули прочь. Одинъ молодой студентъ увидѣлъ среди отправляемыхъ своего старика отца. Со слезами на глазахъ онъ бросился на колѣни передъ начальникомъ отряда и сталъ его просить разрѣшить ему замѣстить отца. Начальникъ, тронутый самопожертвованіемъ юноши, великодушно согласился на эту просьбу. И сынъ отправился на работы вмѣсто своего больного отца. Точно стадо вьючныхъ животныхъ ихъ повели къ Николаевскому вокзалу. Ссылаемые не знали, зачѣмъ и куда ихъ вѣдутъ. Ибо для того, чтобы кто-нибудь все же не вздумалъ бѣжать, отъ отправляемыхъ скрыли мѣсто ихъ назначенія. Они даже не знали, хотятъ ли ихъ оставить въ Питерѣ или нѣтъ.

При отправкѣ транспорта на вокзалѣ произошла сцена, которая показываетъ, до какой низости можетъ дойти порой человѣкъ. Одинъ изъ отправляемыхъ, большой крѣпкій мужчина, по внѣшнему виду купецъ, попросилъ

начальника конвоя разрѣшить ему проститься со своими близкими, которые ожидали его на другомъ неоцѣпленномъ стражей перронѣ. Но начальникъ конвоя въ просьбѣ отказалъ, ибо боялся, что проситель не вернется. Тогда проситель заявилъ, что въ то время, пока онъ пойдетъ прощаться со своими родными, у поѣзда въ качествѣ заложника останется его 16-лѣтній приказчикъ. Начальникъ конвоя согласился на эту комбинацію. Купецъ, обѣщавъ вернуться черезъ нѣсколько минутъ, покинулъ перронъ. Но прошелъ часть другой, а онъ все не возвращался. Мальчикъ сталъ горько плакать, прося начальника конвоя его отпустить. Но начальникъ былъ неумолимъ:

«У меня нѣтъ времени искать теперь твоего хозяина, сказалъ онъ, — теперь ты поѣдешь вмѣсто него съ нами. Я тутъ не причемъ, я долженъ доставить столько людей, сколько у меня находится въ спискахъ».

Поѣздка продолжалась два дня и одну ночь. По прибытіи транспорта въ Вологду между начальникомъ конвоя и мѣстнымъ комендантомъ вокзала произошелъ въ присутствіи сосланныхъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

«Кого же это вы намъ тутъ привели?»

«А это питерскіе буржуи, которые присланы для работъ на фронтѣ».

«Что, буржуевъ, бѣлогвардейцевъ къ намъ привели? Да, что мы тутъ въ Вологдѣ съ ними будемъ дѣлать. Намъ тутъ самимъ ѣсть нечего».

Начальникъ конвоя стыдливо улыбулся.

«Да, вамъ смѣшно, крикнулъ комендантъ. — а намъ для всей этой сволочи надо найти помѣщенія. Вы бы ужъ лучше ихъ сразу въ Питерѣ прикончили. Насъ только лишней работой заваливаете».

Партію прибывшихъ разставили въ рядъ и повели затѣмъ по улицамъ Вологды. Прохожіе останавливались; одни глядѣли съ злобной насмѣшкой, другіе съ сожалѣніемъ. Уличные мальчишки бѣжали за арестованными и кричали: «Питерскихъ буржуевъ ведутъ. Питерскихъ бѣлогвардейцевъ!»

Вскорѣ партія достигла того мѣста, гдѣ сосланные должны были быть размѣщены. То была знаменитая Вологодская тюрьма. Холодныя и сырыя камеры этой тюрьмы были первымъ пріютомъ этихъ физически и морально разбитыхъ людей.

Съ ними обращались, какъ съ самыми тяжкими преступниками, а по прибытіи въ Вологду бросили въ тюрьму. При этихъ обстоятельствахъ не удивительно, что уже въ первую ночь нѣсколько человѣкъ сошло съ ума, а нѣкоторые покончили съ собой...

Пребываніе въ Вологодской тюрьмѣ продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько дней сосланныхъ распредѣлили по различнымъ линіямъ фронта, гдѣ они подъ огнемъ англичанъ должны были совершать тяжелыя земляныя работы. Ихъ раздѣлили на отдѣльныя партіи по 10 человѣкъ въ каждой. При чемъ была введена круговая порука. Отдѣльные начальники, которые руководили работами, заявили, что если одинъ убѣжитъ, то остальные 9 будутъ разстрѣляны.

Одни должны были рыть траншеи, другіе прокладывать дороги и строить бараки для солдатъ. Работа эта была большей частью сопряжена съ опасностью для жизни. Часто сосланныхъ на работы красноармейцы заставляли выносить подъ огнемъ англичанъ пулеметы, оставленные во время боя. На сосланныхъ смотрѣли, какъ на ополченцевъ. И они должны были до конца похода оставаться въ арміи. Между тѣмъ, руководители 6 арміи

согласно декрета не имѣли права удерживать этихъ людей болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Но развѣ въ періодѣ диктатуры существуетъ право. «Какое намъ дѣло до законовъ, существующихъ въ Петроградѣ. У насъ свои законы! Вся власть на мѣстахъ!»

Работа и сопряженные съ нею опасности не были главнымъ зломъ сосланныхъ. Они куда больше страдали отъ холода и голода. Въ легкой одеждѣ и въ тонкой обуви приходилось этимъ людямъ работать при страшныхъ морозахъ. Между тѣмъ, они отъ арміи не получали никакой соответствующей одежды. Ихъ мольбы оставались безъ отвѣта. Близкіе ихъ и родные отправлялись въ Вологду и привозили имъ съ собой необходимую теплую одежду. Но военныя власти отказывали въ дальнѣйшей отправкѣ вещей на линію фронта, подъ предлогомъ, что для буржуазіи фронтовая почта работать не можетъ. Солдатамъ же, находившимся въ Вологдѣ и отправлявшимся на фронтъ, вещи довѣрять также нельзя было. Ибо наши красноармейскіе «коммунисты» понимали коммунизмъ по-своему. «Все твое мое, а все мое только мое». Не даромъ уже тогда стали говорить въ народѣ про коммуны — «Кому „на“, а кому нѣтъ».

Отъ голода приходилось сосланнымъ много страдать. Ибо имъ отпускалось весьма малое количество хлѣба, несмотря на то, что они должны были исполнять тяжелую физическую работу. У мѣстныхъ крестьянъ имъ почти ничего не удавалось купить, такъ какъ тѣхъ натравили на несчастныхъ «буржуевъ», которые въ своемъ огромномъ большинствѣ, въ дѣйствительности, таковыми совсѣмъ и не были. Комитеты бѣдности видно уже и на далекомъ сѣверѣ начали проявлять свою «благотворную» дѣятельность по части натравливанія одного класса населенія на другой.